

В.Р. Филиппов. Рец. на: *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с.

В июне 2016 г. в Институте этнологии и антропологии РАН была организована международная конференция “Этносоциология вчера и сегодня”, посвященная 50-летию создания в этом академическом учреждении сектора конкретно-социологических исследований. На конференции собрались почти все ученые, которые в разное время вращались в орбите этого сектора; по итогам в том же году был выпущен сборник статей “Этносоциология вчера и сегодня”. В него вошли 73 работы, авторы которых принимали участие в становлении этой интердисциплины в СССР, а затем и на постсоветском пространстве; статьи тех, “кто по праву первородства гордо именуют себя этносоциологами” (Н. Маликова, с. 16).

В рамках небольшой рецензии невозможно перечислить названия всех статей, поэтому остановлюсь лишь на тех, которые имеют концептуальное значение.

Введение посвящено памяти Ю. Арутюняна, которого его коллеги, друзья и ученики единодушно признают “основателем нового направления в отечественной науке” (Л. Остапенко, И. Субботина, с. 9), “отцом новой отечественной этносоциологии” (Л. Дробижина, с. 14), “отцом-основателем возрожденной этносоциологии” (Н. Маликова, с. 16), пишут о “силе его духа, жажде познания, стремлении быть полезным для общества” (А. Тер-Саркисянц, с. 20) и проч. Понятно и оправданно желание друзей отдать дань памяти недавно ушедшему ученому, рассказать о его роли и роли созданного его трудами научного коллектива (Л. Остапенко, И. Субботина, с. 22–28) в истории отечественной этнологии. Однако в представленных во введении статьях присутствует доля экзальтированности, которая мне кажется несколько излишней.

Наиболее интересен первый раздел сборника (“Этносоциологи об этносоциологии”), который представляет собой попытку саморефлексии этой “отрасли социологического знания” (с. 29). Именно так трактуют этносоциологию Ю. Арутюнян и Л. Дробижина, отмечая в то же время ее междисциплинарность. Эти исследователи считают преимуществом первого 25-летия развития этносоциологии в СССР возможность осуществлять крупномасштабные межреспубликанские сравнительные исследования (с. 30), а “минусом начального периода становления дисциплины” полагают “недостаточное внимание к теоретическим вопросам” (с. 30–31). Что касается постсоветского периода, мэтры этносоциологии думают, что “увеличение интеллектуальной свободы привело к расширению исследовательской тематики и большему разнообразию теоретических подходов” (с. 31).

Действительно, отсутствие серьезного финансирования постсоветской науки исключало возможность организации массовых обследований; теперь этносоциологи чаще апеллировали к данным переписей населения и информации, предоставляемой несколькими центрами изучения общественного мнения. Что касается разнообразия теоретических подходов, то обращение к известным парадигмам социологического знания, сформулированным западными коллегами, имело скорее декларативный характер. Интерпретационные модели подавляющего большинства ученых этого направления по-прежнему строились (и поныне строятся) на основе “советской теории этноса”. Это не мое голословное суждение. Один из наиболее известных представителей дисциплины — М. Губогло — в заключении к сборнику подчеркнул, что этносоциологи — это сообщество единомышленников, объединившихся в понимании социальной сущности этничности и этнического многообразия социальной жизни (с. 454).

Эссенциалистский подход к трактовкам общественных и политических процессов, как мне кажется, приводит этносоциологов порой к курьезным выводам и оцен-

Василий Рудольфович Филиппов | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения стран тропической Африки | Институт Африки РАН (ул. Спиридоновка 30/1, Москва, 123001, Россия)

кам. Приведу лишь один пример. “Парадоксальным и вместе с тем несправедливым” считает М. Губогло тот факт, что “в ходе избирательной кампании в Народное Собрание (Парламент) Удмуртии в 1999 г. было избрано 11 удмуртов и 8 татар, хотя удельный вес титульной национальности в Удмуртии составлял... 31%, а доля вторых не превышала 4%” (с. 56). Может быть, стоит допустить мысль о том, что, выбирая депутатов в республиканский парламент, избиратели руководствуются не “национальностью” кандидатов, а их политической программой или их харизматичностью (что вероятнее)? Тем более сам исследователь ниже пишет о том, что в ходе ряда научных проектов “не подтвердилась изначальная гипотеза о безусловном влиянии этнического фактора” на результаты выборов (с. 56).

В этом разделе, как мне кажется, выделяется статья Н. Маликовой “Инновационный потенциал этносоциологии”. Речь в ней идет о том, как в условиях спада интереса и доверия к массовым опросам, а также ощутимой невесторобастности этого “жанра” исследовательской работы со стороны чиновников обеспечить сохранение и модернизацию отечественной этносоциологической школы. По мнению автора, “преодоление методологических затруднений адекватной интерпретации в этносоциологии, прежде всего, предполагает решение задачи корректного обращения к зарубежным концепциям этничности, национализма, соответствующим ориентированным на практику методам” (с.74).

Второй раздел сборника (“Этносоциологические исследования в России и за рубежом”) отделен от первого весьма условной чертой. Видимо, составители руководствовались принципом разделения исторической и историографической рефлексии (размышления о том, как институционально оформлялось соответствующее направление исследовательской деятельности и в каких научных трудах оно нашло отражение). Авторы раздела рассказывают о том, как оформлялись локальные этносоциологические школы в Татарстане (Р. Мусина, с. 77–87), Карелии (В. Бирин, с. 94–102; Е. Клементьев, с. 87–94), Азербайджане (А. Мамедли, с. 106–112), Киргизии (А. Асанканов, с. 102–106) и проч. В целом тональность этих статей в большей или меньшей степени оптимистична, они высоко оценивают заслуги дисциплины в изучении социальных реалий на рубеже веков в СССР и позднее — на постсоветском пространстве. Чаще всего в этих работах речь идет о конкретных исследованиях разных лет и о перспективах этносоциологии в соответствующих субъектах РФ и сопредельных странах. Так, например, Р. Мусина констатирует, что “этносоциологические исследования всегда были ориентированы на уровень практического применения своих результатов” (с. 84) и были востребованы руководством Татарстана. В. Бирин, оценивая взаимодействие ученых и власти, утверждает, что по итогам этносоциологических исследований, проведенных в Карелии, “в сфере национальной политики принимались конкретные решения” (с. 101). Реже встречаются скептические оценки результата труда этносоциологов; они носят частный характер и касаются лишь отдельных исследований. А. Мамедли признает, что “авторам в тот период так и не удалось... показать сложную социально-политическую ситуацию в Азербайджане 80-х годов прошлого столетия” (с. 107).

Значительно чаще звучит скепсис при оценке будущего этносоциологии в России. Так, Е. Клементьев признает очень слабый интерес к этому направлению исследований в Карелии и сожалеет о том, что “неоднократные попытки найти студента, готового приобрести такую специальность (этносоциология. — *В.Ф.*), не увенчались успехом”, а перспектива ее в Карелии скрыта “густым туманом” (с. 91). Очевидно, что завершение “парада суверенитетов” и “демобилизация этничности” в новом тысячелетии имели следствием спад интереса чиновников к “этносоциальным проблемам”. Аналогичные процессы наблюдаются и в ныне суверенных государствах, где фактически восторжествовала “этническая” модель легитимации власти. А. Асанканов сожалеет о том, что “развитие этносоциологической науки в стране (Киргизии. — *В.Ф.*), проведение исследований сейчас во многом базируются на личном энтузиазме ученых и на их собственных средствах, что... сказывается и на количестве, и на качестве этносоциологических исследований” (с. 105).

Во второй раздел сборника вошли также статьи о месте этносоциологии в учебной и научной работе образовательных структур. Л. Заседателева и В. Карлов представили обзор становления и развития этносоциологии на кафедре этнологии МГУ

им. М.В. Ломоносова (с. 118–123). Речь идет о том, как социологические и статистико-этнографические методы применялись в исследовательской деятельности сотрудниками кафедры, и о том, как учебные курсы по этносоциологии и статистическим методам сбора эмпирического материала стали важной частью учебного плана. Авторы констатировали, что этносоциология пустила глубокие корни и в академической, и в университетской среде и теперь “имеет благоприятные перспективы для своего воспроизводства” (с. 122). О зарождении и эволюции этносоциологии в Белорусском университете говорится в статье А. Данилова (с. 127–134).

Следующие пять разделов сборника посвящены различным манифестациям “этничности”: третий раздел — демографическим и социально-экономическим проблемам, четвертый — актуальным политическим процессам, пятый и шестой — вопросам языка, культуры и идентичности, седьмой — этике и этикету в различных культурно-отличительных сообществах.

Наиболее интересной мне показалась статья Т. Гузенковой, в которой речь идет о социокультурных (“этносоциальных”) диспропорциях как серьезном конфликтогенном факторе на Крымском полуострове (с. 223–232). Заслуживают особого упоминания работы И. Субботиной о динамике миграционного поведения нетитульного населения Киргизии (с. 146–151) и И. Снежковой об информационной войне между Россией и Украиной (с. 268–277).

В резюмирующем тексте (заключении) М. Губогло читатель найдет беглый обзор наиболее масштабных этносоциологических исследований, проведенных в СССР, а позднее в России и сопредельных странах.

Основная ценность рецензируемого сборника заключается, как мне видится, в его, по сути, историографическом характере. Прочтение этого почти пятисотстраничного издания позволяет отчетливо представить историю возникновения, становления, развития и (да простят меня этносоциологи!) угасания рассматриваемой интердисциплины. В этом смысле издание может быть использовано как учебное пособие для студентов-этнологов.

М. Губогло, тем не менее, пишет об “общественной востребованности этносоциологических исследований”, которая, по его мнению, определяется не только технологическими возможностями создания социального портрета, измерения социальных качеств современников, а также умением заглядывать в завтрашний день, но и способностью находить ответы на сложные вопросы текущего момента в дне прошлом (с. 465). Но и он имплицитно признает кризис дисциплины в ее “классическом виде” и пишет о том, что “без притока молодежи сегодня, под давлением обстоятельств и смутного времени, мелеет методологический и методико-процедурный арсенал этносоциологии”. Последнее замечание заслуживает особого внимания! Ведь методологический арсенал этой дисциплины — “советская теория этноса”, фактически ленинско-сталинская “теория нации”, не слишком убедительно изложенная в терминах этнологии. Что касается методико-процедурного арсенала, то массовые этносоциологические обследования дают такой уровень “шума” (“помех”) на всех этапах сбора эмпирического материала, что возникают серьезные сомнения в корректности выводов, которые строятся на их основании.

Реанимация этого (как мне представляется, тупикового) направления этнологических исследований возможна, по мнению М. Губогло, путем “обращения к прошлому опыту, уже реализованным этносоциологическим и этнополитическим проектам” (с. 468). Определенную альтернативу этому мы находим в статье Н. Маликовой, которая видит перспективу развития этносоциологии в изменении “методологических и методических процедур исследования... на благодатной ниве междисциплинарной интеграции” (с. 75). Речь идет прежде всего об адаптации качественных методов сбора информации, когнитивном картировании, интернет-опросах и проч. (с. 76). Но это будет уже совсем *другая этносоциология*.

Book Review

Filippov, V.R. Review of *Etnosotsiologiia vchera i segodnia* [Ethnosociology Yesterday and Nowadays], edited by L.V. Ostapenko and I.A. Subbotina. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 190–193. <https://doi.org/10.31857/S086954150000417-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Vasily Filippov | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia)

Е.А. Ягафова. Рец. на: *Kappeler A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2016. 276 S.

Андреас Каппелер — известный ученый швейцарского происхождения, профессор Венского университета, автор ряда работ по истории России и Украины. В его трудах нашли отражение проблемы разных, в т.ч. поволжских, народов Российской империи и их национальные движения. Обращение автора к истории чувашей обусловлено рядом причин, в т.ч. дефицитом работ о них на европейских языках. Будучи значительным по численности народом России, за ее пределами чувашаи неизвестны, поскольку, по мнению автора, «стояли в тени истории, вдали от “большой политики”» (с. 12). Отсюда и цель ученого — “дать им (чувашам. — Е.Я.) голос и вывести из тени, чтобы определить их место на ментальной карте Европе” (с. 18).

Книга состоит из введения и восьми глав, все они посвящены этапам этнической истории чувашей. Рассматривая ее в региональном (Волго-Камье) и в общероссийском контексте, Каппелер решает основную задачу: “...рассказать историю России и Советского Союза с позиции маленького народа... с перспективы периферии” (с. 12). Этот подход определяется избранной автором методологией “постколониальных исследований” (Э. Саид), основанной на попытке преодоления европоцентризма и описания истории с точки зрения колониальной и постколониальной периферии. Характеризуя взаимоотношения чувашей с русским/российским государством, Каппелер использует понятия “субальтернативность”/“подчиненность/угнетенность” (*Subalternität*), “подчиненные” (*Subalternen*). Последние в рамках данной методологии выступают как субъекты истории, способные выражать свою позицию. Принимая методологию “постколониальных исследований”, Каппелер дистанцируется от более традиционного (колониального) дискурса, который в случае с чувашской историей требует, по мнению автора, проверки (“А были ли чувашаи под колониальным господством?”), как и концепт “внутренней колонии” — зависимой области внутри государства, которой ареал чувашей более соответствует (с. 15).

Развивая идею “народа в тени истории”, Каппелер прослеживает основные моменты, когда чувашаи “появлялись из тени и заявляли о себе” (с. 44). Голос народа прозвучал в восстаниях XVII–XVIII вв. — следствия вторжения в чувашскую деревню царской администрации и церкви, расцененного жителями как прямое покушение на систему их ценностей (ядро самобытной культуры и основу идентичности). При этом, отмечает Каппелер, чувашаи высту-

Екатерина Андреевна Ягафова | <http://orcid.org/0000-0002-2784-8090> | yagafova@yandex.ru | д. и. н., заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры | Самарский государственный социально педагогический университет (Максима Горького 65/67, Самара, 443099, Россия)